

11. Скидмор М. Дж. и Трипп М. К. Американская система государственного управления. М.: СП «Квадрат», 1993. С. 277.
12. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. М., 1998. С. 528, 543.
13. Денисов С. А. Нейтрализация правоохранительной деятельности органов государства // Вестник Тюменского государственного университета. 2000. № 4. С. 183-184.
14. Овсянко Д. М. Административное право. М.: Юрист, 1996. С. 93.

Елена Генриховна КОМИССАРОВА —
 доцент кафедры гражданско-правовых
 дисциплин Тюменского юридического
 института МВД РФ,
 кандидат юридических наук
Николай Вениаминович РУБИН —
 ассистент кафедры гражданского права
 и процесса Тюменского государственного
 института мировой экономики,
 управления и права

УДК 347

ИДЕИ В ПРАВЕ И ФОРМЫ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. Идеи, задействованные в сфере права и определяющие характер правового регулирования, различны. Поэтому неодинаково их значение на разных стадиях бытия права. Одни могут выполнять роль гносеологической «привязки» при конструировании правовых норм. Другие выступают нравственной основой при правоприменении, третьи — фундаментальные ориентиры при реализации и применении обычных юридических правил, а также при конструировании всех последующих правовых норм. Способам воплощения их в правовой действительности посвящена настоящая статья.

The article is devoted to the implementation of the ideas determining the character of legal regulation. These ideas, being either of gnoseological character or of moral, serve as basis for legal regulative system.

Процессы, происходящие в развитии современного российского законодательства, свидетельствуют об освобождении его от чрезмерной идеологизированности, присущей законодательству советского периода. Но это не означает, что право России лишено идеологии. Как справедливо указывает Н. И. Матузов, «стремление освободиться от всякой идеологии есть тоже идеология, и она может привести к отрицательным последствиям» [1]. Назначение идеологии — в выработке системы ценностей, которую впоследствии надлежит претворить в действительность. Право — один из социальных институтов, утверждающих и реализующих эти ценности.

С точки зрения своего генезиса и непосредственного содержания, в смысле отраженных в нем реальностей, право явление многомерное. Это предполагает возможность его рассмотрения с разных сторон. Находясь в числе иных социальных регуляторов, оно никак не может быть осмыслено и оценено в отрыве от морали, идеологии, политики, интересов и требований конкретных людей. Этим объясняется возможность исследования права с различных позиций: социологической, психологической, идеологической, нравственной и других. Такое положение вполне естественно, ибо достигнуть истинного понимания права как одного из важнейших компонентов правоведения возможно лишь через многообразие мнений, суждений и оценок. Это тем более

оправданно, потому что категория права – развивающаяся категория, в которой отражаются различные исторические традиции и ситуация современной эпохи.

Связь права с идеологией вполне реальна, поскольку идеология — это всегда форма общественного сознания, форма отражения действительности. Не случайно идея рассматривается как начальная стадия формирования права. Поэтому правовая наука не может ограничиться изучением лишь норм позитивного права. Этот процесс предваряется изложением тех или иных идей, воззрений, которые привели к их созданию и образовались «не вдруг, а как суть и результат всей предшествующей юридической жизни» [2].

Идея есть продукт человеческого сознания, отражающий волевое отношение человека к окружающему его миру, к существующим общественным отношениям с учетом существующих у него потребностей. Это понятие стоит в ряду таких категорий, как взгляды, идеалы, воззрения, представления – все они выступают формой выражения человеческой мысли, проявляясь в виде логических суждений. Генетически идеи предшествуют праву позитивному. Между этапами зарождения идей, их формулированием и конструированием законодательства существует временной разрыв. Поэтому первые две стадии – зарождение идеи и ее формулирование могут рассматриваться как относительно самостоятельные, предшествующие законотворческой деятельности.

Идеи могут быть лишь категорией правосознания, но могут выходить и за его пределы. В этом случае происходит «объективизация субъективного», в результате чего возникают новые самостоятельные общественные явления в виде норм права как практические формы реализации идей и взглядов, организации общественных отношений [3]. Иными словами, прежде чем стать явлением объективно реальным, право выступает как явление субъективно реальное.

Способность идей к воплощению в праве объективном зависит от многих факторов. Среди них фактор их образования, основа, на которой они вырабатываются.

Как и все надстроечные явления, та или иная идея есть результат реакции участников общественных отношений на наиболее значимые общесоциальные проблемы, обусловленные материальными условиями жизни общества. Появление и формирование идей, отражающих экономические и нравственные закономерности общественного развития, сопровождает любую стадию становления общества. Ни одно общество не живет без идей. «Это его духовная опора, система представлений о желаемом общественном устройстве и путях его достижения» [4]. Влияние идей на правовую систему признается большинством ученых. Так, С. С. Алексеев отмечает: «В любой более или менее развитой национальной юридической системе одной из «граней» права являются правовые идеи» [5]. Д. А. Керимов отмечает роль правовых идей как ориентиров, средств правовой деятельности, направленной на регулирование общественных отношений и их преобразование [6].

Ценность идей не только в логической их формулировке и возможности интерпретации. Свое собственное значение они будут иметь лишь в способности решать как научные, так и практические проблемы. Для этого идеи «надо познать, выразить и определить, какие ценности лежат в их основе» [7]. Это означает, что прежде чем воплотиться в нормах права, идеи проходят своеобразный фильтр: юридические знания — оценка — призма государственных интересов.

Необходимость оценки идей связана с их разнообразием, многовариантностью представлений о сущем и должном, ведь особенности сознания людей своим источником могут иметь и имеют самые различные факторы. Смысл оценки – придать взглядам, идеям, представлениям относительную унификацию (универсальность), что впоследствии явится одним из условий социальной эффективности выработанных законодателем нормативных правил. Именно оценочное восприятие идей будет условием возможности дальнейшего их развития, изменения и совершенствования.

Критериями для отбора идей является их будущая способность определять организацию правового регулирования, их направленность, характер, основания и объем регулятивного воздействия, необходимость и достаточность для реализации функций права и выполнения задач правового регулирования.

Не всякая познанная и оцененная идея должна быть реализована в праве. Как отмечал Н. Н. Алексеев, современное правосознание не должно упускать из виду, что возможен и другой – нравственный способ усовершенствования государственного властвования, что в истинно совершенном государстве, кроме права, должны господствовать также и чисто моральные силы – силы любви, дружбы, солидарности, жертвенности, служения и подвига. Если бы возможно было полное, доходящее до отождествления, проникновение государства правом, то все эти нравственные силы поистине были бы обречены на полное угасание. Данное высказывание есть вполне наглядное подтверждение того, что во всяком обществе сосуществуют различные виды идей, относящиеся к правовой, политической, экономической и иным сферам жизни общества. Они однотипны по происхождению, так как обусловлены единым базисом, однако между ними есть и существенные различия, предопределенные как сферой действия, так и целенаправленностью. Идеи правовые — это особая разновидность общественно-политических идей, среди которых они выделяются рядом специфических признаков. Своим предметом отражения эти идеи имеют правовую сферу общественной жизни, ту систему общественных отношений, которая должна быть закреплена в нормах права в качестве гарантированной государством модели определенного социального состояния. Являясь отражением наиболее социально-значимых потребностей, эти идеи предполагаются объективно общеобязательными, а потому способны привлечь внимание государства и охраняться им. В этом случае они преломляются через правосознание, конкретизируются в соответствии с назревшими объективными потребностями правового регулирования и закрепляются в действующем законодательстве [8]. Обратное утверждает О. В. Смирнов, отмечая, что правовой идеологии как социальной категории присуще качество нормативности из-за ее регулирующей функции [9]. Нельзя отрицать в полной мере регулятивные возможности правовой идеологии – она в той или иной степени регламентирует поведение людей. Но относить идеологию (общественное правосознание) к нормативному регулятору полагаем неправомерным. Во-первых, тем самым увеличивается роль правовой идеологии по сравнению с иными социальными (неправовыми, т.е. негосударственными) регуляторами: моралью, традициями, обычаями. Во-вторых, вывод автора не учитывает тот существенный момент, что «единственная нормативная система, регулирующее воздействие которой на отношения между людьми влечет для их участников определенные юридические последствия – это право» [10].

Вполне естественно, что не все познанные воззрения находят свое отражение в праве материальном. Часть из них не обретают характер официальной потребности, продолжая оставаться в сфере обыденных взглядов и представлений. Другие сохраняют свое значение на уровне идей научных, нуждающихся в последующем накоплении и развитии, но уже обретая свое самостоятельное значение в сфере научных познаний в области права. Представляя собой определенные ненормативные обобщения, признанные юридической и общественной практикой, они способны быть использованы для целей дальнейшего совершенствования правового регулирования общественных отношений. Третьи косвенно или непосредственно находят отражение в праве позитивном. Но, найдя свое отражение, они, как показывает законодательная практика, также могут иметь неоднозначные формы выражения и способы закрепления. Одни получают закрепление непосредственно в нормах законодательства, образуя его «каркас» и обретая прямое регулятивное значение, становясь обычными юридическими правилами. Речь идет об идеях, выработанных обществом сознательно или спонтанно

в процессе его повседневной, нормальной жизнедеятельности и воспринятых государством, которое с учетом своих потребностей придало им властно-официальный характер. Это тот случай, когда самым жизненным отношениям придается характер правовых отношений, в которых участники являются носителями прав и обязанностей [10]. В процессе изучения права эти идеи легко распознаются, формулируются и обобщаются. Именно такие синтезированные идеи и квалифицируются в теории права как его принципы из-за распространенности подхода к ним, согласно которому они — идеи, тем или иным образом, выраженные в праве.

Другие «впечатываются» в тексты законодательных актов, не обретая при этом самостоятельного регулятивного значения, поскольку сами нуждаются в дополнительной интерпретации. Нормативность их своеобразна, а потому они менее приспособлены к непосредственному регулированию общественных отношений. Содержание таких идей образуют общесоциальные постулаты аксиоматического характера, позволяющие взглянуть на существо правоотношений не только через призму государственной воли, но и с точки зрения общечеловеческих позиций, а также нравственных ценностей. В законодательстве они выступают в качестве принципов гуманности (ст. 137 ГК РФ), добросовестности и разумности (ст. 602 ГК РФ), нравственных принципов общества (ст. 1064 ГК РФ). В теоретических же источниках они — морально-этические или нравственные принципы права [11].

Некоторые идеи получают свое закрепление в преамбулах нормативных актов. В науке они нередко выдаются за правовые принципы, но чаще именуются правовыми декларациями и рассматриваются как разновидность правовых предписаний [12]. Это уже идеи другого вида — целеполагающие, перспективные или программные.

С учетом современной законодательной практики в сфере кодификации следует обратить внимание на особый вид идей — основополагающих и заглавных, объединенных в самостоятельную юридическую норму, не известную ранее действовавшему законодательству и озаглавленную как «основные начала законодательства». Пока эти нормы не являются обязательным атрибутом всех кодифицированных нормативных актов. Однако представляется, что это тот самый случай, когда правовые принципы обретают специальный статус, становясь «правилами применения всех иных правил», т. е. исходными постулатами для всего процесса правового регулирования соответствующей области отношений. Их законодательное формулирование ведет к созданию особых норм, получающих относительную самостоятельность в числе других норм-правил. Эти нормы характеризуются фундаментальностью, становятся общеобязательными не только для правоприменителя, но и самого законодателя, выступая единственным критерием конструирования всех других правовых норм, относящихся к данной сфере законодательства.

Таким образом, идеи, определяющие характер и содержание правового регулирования, в зависимости от факта восприятия их законодателем, способа закрепления в нормативном акте, неоднородны. Каждая из перечисленных форм выражения правовых идей имеет свое наименование, собственное значение и мотивировку вычленения. Отсюда вполне оправдано то формально-логическое многообразие при их обозначении, присутствующее как в теории права, так и в действующем законодательстве. Отмеченная неоднородность правовых идей предопределяет и различие силы их «впитывания» правом объективным. В зависимости от потребностей правового регулирования они могут выполнять разные функции в правовом устройстве, сфера их действия может не совпадать, как и внешнее проявление в позитивном праве.

Правовые декларации в большей или меньшей степени всегда были атрибутом основополагающих нормативных актов (ГК РСФСР 1964 г.; Кодекс законов о труде РСФСР 1971 г., ст. 1; Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., ст. 1 и др.). Содержательную сторону правовых деклараций образуют идеи о перспективах и целях развития различных правовых институтов, а потому они не содержат формализованных пра-

вил поведения, четких законодательных велений. Они лишь средство выражения общих идеологических установок, на которые ориентируется законодатель, придавая законодательству «единую идеологическую окраску». По этой причине декларации не способны к непосредственной реализации – их реализация обеспечивается действием всего законодательства. В этой связи нельзя признать оправданным включение деклараций в первые статьи закона. Во-первых, смешение декларативных положений с нормативными препятствует восприятию собственно юридического содержания закона. Во-вторых, нумерация статей предполагает возможность ссылки на них в правоприменительных актах. Назначение же деклараций в другом – они аккумулируют в соответствующем акте целеполагающие, программные идеи, повышая тем самым значимость других правовых предписаний. Не исключается их значение при телеологическом и историческом толковании.

В понятие деклараций некоторые авторы включают принципы права. Одной из причин их смешения является отсутствие санкционной защиты положений, в них содержащихся. Однако эта причина не единственная. Другая, пожалуй, более значимая в том, что в общетеоретических и отраслевых научных исследованиях до настоящего времени отсутствуют достаточно четкие представления о принципах права и их содержании. Несмотря на то, что теоретики и практики регулярно обращаются к проблеме принципов права, их значение остается не до конца известным, сама природа принципов – неопределенной, прежде всего по причине неопределенности их источников.

Объективный анализ юридических признаков, места и роли правовых принципов может быть проведен с учетом двух аспектов при употреблении этого понятия. Первый связан с рассмотрением их как явлений общественного (прежде всего научного) сознания. Они в данной плоскости лишь логическая структура, созданная учеными – в виде теории как способ теоретизации правового знания. В таком качестве принципы важнейший инструмент теоретического анализа отрасли права, ее предмета и метода, всего механизма правового регулирования. На данном этапе бытия принципы – это лишь вид правовых идей, являющихся частью научного и профессионального правосознания. Как любая правовая доктрина, они имеют собственное теоретическое и практическое значение: в них интеллектуальная основа действующего позитивного права – они отражают достижения практического опыта, правовой мысли, закономерности развития общества, а также оказывают информационное и ориентационное воздействие на сознание людей.

Второй аспект предполагает познание правовых принципов как явлений нормативно-правовой действительности, когда они выступают как внутреннее качество тех или иных форм выражения права и представляются в виде относительно самостоятельных юридических явлений. Под правовыми принципами в этом случае обычно понимаются руководящие идеи или общие начала права, определяющие наиболее значимые качественные характеристики права, оказывающие доминирующее воздействие на внутренние тенденции развития всей правовой системы.

Как показывает оценка имеющихся в науке взглядов на принципы права, смешение этих аспектов явление не столь редкое. Результатом смешения является отождествление правовых принципов с любой относительно значимой идеей, имеющей отношение к праву. Следствием этого является возведение в ранг принципов права (отрасли) самых разнообразных правовых и неправовых положений.

Учет двухаспектного подхода к принципам права позволяет утвердиться во мнении о том, что правовые идеи и принципы права не могут рассматриваться как категории всегда тождественные. На это обстоятельство уже обращалось внимание в науке. Так, А. Е. Пашерстник указывал, что принципы (права) не идентичны идеям о праве [13]. И это верно, поскольку утверждая иное, мы можем придти к двум крайностям. Первая – все идеи предшествующие праву, вечны и идеальны. Вторая – все

право состоит из принципов. С чем, по понятным причинам, согласиться нельзя. Поэтому в литературе высказываются различные предложения относительно словесного разграничения собственно правовых принципов и идей, не ставших таковыми. С. С. Алексеев именует последние началами правосознания, научными выводами, а не принципами права [14]. А. В. Русиашвили предлагает правовыми именовать принципы, не отраженные в праве и относящиеся к правосознанию, а идеи, реализованные в системе действующего права, именовать принципами права [15]. Н. А. Громов и В. В. Николайченко предлагают такое деление: научные идеи, формируемые учеными и предлагаемые ими на роль правовых принципов, и собственно правовые принципы, уже закрепленные в нормах действующего закона [16]. Данное деление заслуживает внимания в силу того, что, соответствуя действительности, исходит из неоднородности идеологических установлений, действующих в области права. Это предопределяет собственное их терминологическое обозначение, способ фиксации в нормативном акте, характер воздействия на урегулированные правом отношения.

Таким образом, идеи, задействованные в сфере права и определяющие характер правового регулирования, различны. А потому неодинаково их значение на разных стадиях бытия права. Одни — могут выполнять роль гносеологической «привязки» при конструировании правовых норм. Другие — выступать нравственной основой при правоприменении, третьи — быть фундаментальными ориентирами при реализации и применении обычных юридических правил, а также при конструировании всех последующих правовых норм. Все они — важнейшие компоненты господствующей в обществе юридической идеологии, но социальная значимость у них разная, что обусловлено неодинаковым их юридическим содержанием и способами воплощения в нормативно-правовой действительности.

Отсюда, перефразируя известное в юридическом быту высказывание, можно утверждать, что всякий правовой принцип — это идея, но не всякая идея — правовой принцип. Подобный подход позволит «отсечь» различные неюридические положения, которым присваивается статус правового принципа, и обеспечит более продуктивное исследование всей проблемы принципов права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3. С. 83.
2. Мейер Д. И. Русское гражданское право. Ч. 1. М.: Статут, 1997. С. 39.
3. Недбайло П. Е. Объективное и субъективное в праве (к итогам дискуссии) // Правоведение. 1974. № 1. С. 6.
4. Матузов Н.И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3. С. 90.
5. Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия. С. 150.
6. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта*, 2000. С. 353.
7. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. С. 223.
8. Шейндлин Б. В. Сущность советского права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. С. 6.
9. Смирнов О. В. Соотношение норм и принципов в советском праве // Советское государство и право. 1977. № 2. С. 14.
10. Байтин М. И. О современном нормативном понимании права // Журнал российского права. 1999. № 1. С. 98.
11. Байтин М. И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 4.
12. Цыбулевская О. М. Значение общеправовых принципов для отраслевого законодательства. В сб.: Вопросы теории государства и права. Новые идеи и подходы: Выпуск 2. / Под ред. М. И. Байтина. Саратов, 2000. С. 76.

13. Пашерстник А. Е. О сфере действия и принципах советского трудового права // Советское государство и право. 1957. № 10. С. 56.
14. Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 103.
15. Русиашвили А. В. Категория противоправности в гражданском праве. В сб.: Гражданско-правовая норма и формы ее применения. АН Груз. ССР, Институт экономики и права. Тбилиси, 1982. С. 19.
16. Принципы уголовного процесса, их понятие, система // Государство и право. 1997. № 7. С. 33-34.

Владимир Иванович ОСЕЙЧУК —
директор Центра повышения
квалификации государственных
и муниципальных служащих,
кандидат философских наук,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления

УДК 342.4

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется противоречивость процесса становления социально-правового государства в России. Данная модель государства предполагает цивилизованные стандарты жизни, высокую правовую культуру большинства граждан и наличие партнерской, ответственной и эффективной государственной власти.

The article dwells upon the controversy character of the development of Russia as a social and legal state. Such pattern of a state means civilized standards of life, legal culture of most citizens and responsible, effective and responding state government.

Статья 1 Конституции Российской Федерации установила, что Россия есть правовое государство. Более того, в статье 7 Конституции страна провозглашена также социальным государством. Однако кто смотрит на жизнь россиян не через розовые очки, тот видит, насколько расходятся вышеуказанные конституционные положения с реальной жизнью. Некоторые специалисты, пытаясь найти выход из этого противоречия, указывают на то, что Россия только поставила перед собой цель стать социально-правовым государством [1]. Но читатели согласятся с тем, что между словами «есть» и «цель» имеется разница.

Конституционные нормы о социально-правовом характере российского государства выглядят больше декларативным заявлением, чем гарантированной политико-правовой конструкцией. Они напоминают автору советский период развития страны, когда в официальном комментарии Конституции СССР 1977 г. утверждалось, что советское государство является подлинно правовым государством [2]. Если верить вышеуказанным заявлениям, то получается, что большинство российских граждан и не подозревают о том, что они уже около четверти века живут в правовом государстве. Но если размышлять об этой проблеме всерьез, то нетрудно заметить, что идея социально-правового государства правящей элитой России в постсоветс-